

Фото из личного архива героини текста

01.10.2020, 17:21 Москва

свой опыт

Задержанная требовала права на звонок. Полицейские вызвали в отдел санитаров-психиатров

В конце августа у здания управления МВД девушку задержали во время одиночного пикета, побили и отобрали телефон. В отделе ей не давали позвонить и издевались — в какой-то момент она перешла на крик. В ответ полицейские вызвали бригаду санитаров-психиатров. ОВД-Инфо записал анонимный рассказ задержанной, попавшей в психиатрическую клинику.

22 августа 2020 года я встала с плакатом у Петровки, 38, на месте, где часто собираются пикетные очереди. Я точно

знаю, что это не запрещенная для пикетов территория.

Полицейские подошли ко мне трижды.

Первые два раза у меня спросили возраст и гражданство. Спросили и пошли дальше. Третий патруль подошел и сказал, что мне «надо пройти в отделение», что «я нарушаю». Полицейские сказали, что у меня массовая акция. Я ответила, что у меня одиночный пикет. На что мне заявили: «Вы разжигаете ненависть».

На моем плакате была надпись, посвященная отравителям Навального: «Ты захлебнешься собственным ядом!».

По версии полиции, я тем самым разжигала ненависть к отравителям. Силовики стали на меня давить, утверждать, что я отказываюсь с ними идти, что меня будут задерживать с применением силы. Я парировала, что не отказываюсь, а просто хочу, чтобы мне точно сформулировали, что мне предъявляют. Я планировала проверить, что такая статья вообще существует. Мне снова сказали, что я отказываюсь идти, заломали руки и посадили в машину.

Полицейские отошли к другим патрульным, которые подходили ко мне ранее. Поскольку я ничего не нарушала, я решила, что из полицейской машины можно выйти — двери оказались не заперты. Попыталась выйти в сторону дороги, но полицейские очень оперативно среагировали. Началась потасовка: они стали запихивать меня обратно в машину, я сопротивлялась. В ответ полицейские действовали грубо: били по голове кулаками, разбили мне очки. В тот момент я не понимала, что лучше не оказывать сопротивление, хотя читала всякие памятки.

Полицейские отобрали мой телефон и куда-то положили, чтобы он не пострадал, что, в принципе, неплохо. Но из-за того, что телефон отняли, я оказалась изолирована от внешнего мира. Когда уходила из дома, у моих крыс оставалось совсем чуть-чуть водички — вечером им надо обязательно дать воду.

В итоге меня привезли в отдел и заперли в камере. Я попросила [дать мне возможность] позвонить, полицейские отказались. Тогда я начала требовать — говорить, что имею право на звонок. Мне было важно, чтобы о моих животных позаботились. Когда я перешла на крик, полицейские стали снимать видео — им показалось, что это очень забавно. Они унижали меня, пытались шутить, говорили, что я отрабатываю деньги [участвуя в пикетах]. На самом деле отрабатывали только они, это у них статистика, ради которой они закрывают обычных людей.

Я начинала все сильнее злиться. В какой-то момент выбрала стратегию: непрерывно кричать полицейским, что я не замолчу, пока мне не дадут позвонить. Наверно, я кричала около двух часов, это мешало им звонить, разговаривать. Несколько раз меня облили водой, а спустя время вызвали бригаду санитаров-психиатров со смирительными рубашками.

Когда приехали санитары, я перестала кричать и попросила дать мне позвонить. Санитары сообщили [полицейским], что я в порядке и в принципе не их клиент, но если я согласна, то они напишут, что у меня некое психическое заболевание, и меня увезут в больницу, а по дороге я смогу позвонить. Еще мне обещали дать одежду, ведь я вся промокла. Я решила послушать санитаров, так как, в первую очередь, для меня было важно передать информацию о моих животных. Я сказала бригаде, что у меня есть расстройство, и меня отвезли в больницу. По дороге я успела позвонить, затем мой телефон конфисковали. Меня привели в палату, сказали, ляг, поспи, утром все будет нормально.

В первый день смена сотрудников больницы мне не понравилось. Я нервничала, не сообщила никому, где я, кроме молодого человека. Просила, чтобы мне дали позвонить, за это меня привязали к кровати и вкололи

неизвестное вещество, от которого я проспала почти до вечера. Около семи часов, когда всем разрешают звонить с городского телефона в больнице, я попросилась выйти из палаты, но мне запретили. Видимо, им хотелось показать, что они имеют какую-то власть над людьми.

Оставшиеся три дня у меня не было таких серьезных проблем. Я отказалась от лечения и ничего не принимала. В то же время мои родственники совершенно не понимали, что происходит.

Пока я лежала в больнице, мама и мой молодой человек постоянно приходили на КПП [учреждения, где меня удерживали], пытались дозвониться до главного врача. Но он их не принимал, ничего не объяснял. На четвертый день врач сказал, чтобы мне выдали вещи и выпустили меня.

Наверно, я была готова к задержанию перед своими первыми акциями и перед участием в несогласованных митингах **за допуск кандидатов** [к участию в выборах в Мосгордуму] в 2019 году. Постепенно возможность попасть в отдел становилась все более иллюзорной, а пятничные «метропикеты» — более обыденными. Когда задержание случилось, я оказалась к нему не готова. Иначе я бы не пыталась сбежать из полицейской машины.

Я абсолютно точно знаю, что ничего плохого не делала, меня задержали в угоду статистике, и так быть не должно. Я буду продолжать заявлять свое несогласие с происходящим вокруг. Это гражданская обязанность, как платить налоги. Кто-то ей следует, а кто-то нет. И это нормально.

Ещё почитать

26.02.2026 Москва

Экс-фотографу штаба Навального увеличили срок из-за пожелания смерти Путину